

ПУБЛИКАЦИИ

К. А. БАРШТ*

ПИСЬМО П. А. КАРЕПИНА К Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ ОТ 5 СЕНТЯБРЯ 1844 г.: ИСПРАВЛЕННЫЙ ТЕКСТ

Ключевые слова: письмо П. А. Карепина от 5 сентября 1844 г., литературный дебют Ф. М. Достоевского, увольнение со службы, новое прочтение.

Публикуется исправленный текст письма П. А. Карепина от 5 сентября 1844 г., имеющего определяющее значение в процессе выхода Ф. М. Достоевского с государственной службы с целью посвятить себя профессиональному литературному труду. По сравнению с текстом, опубликованным в собрании писем Достоевского под ред. А. С. Долиннина (1959) и воспроизведенным без изменений в Полном собрании сочинений Достоевского в 30 т. (1985), исправлено около двух десятков ошибок, в том числе существенно меняющих смысл документа. Публикация снабжена историко-литературным комментарием.

Надворный советник Петр Андреевич Карепин (1796–1850), 21 апреля 1840 г. женившийся на сестре Достоевского Варваре Михайловне (1822–1893), был назначен опекуном Михаила (1820–1864), Федора (1821–1881), Андрея (1825–1897), Веры (1829–1896), Николая (1831–1883) и Александры (1835–1889) Достоевских в декабре 1841 г., после смерти их родителей, Марии Федоровны (27 февраля / 11 марта 1837 г.) и Михаила Андреевича (6/18 июня 1839 г.). История взаимоотношений П. А. Карепина с Ф. М. Достоевским составляет важнейшую часть биографии писателя, включая ряд событий, прямо повлиявших на историю создания романа «Бедные люди» и литературный дебют Достоевского в целом, отразившись затем на уровне автоаллюзий в нескольких произведениях более позднего периода — «Преступлении и наказании», «Идиоте», «Братьях Карамазовых». Письмо фиксирует кульминационный момент борьбы писателя за возможность творческого самоосуществления в противостоянии с опекуном, который как ответственный наставник братьев и сестер Достоевских видел свою задачу в том, чтобы поддержать волю покойного отца семейства

---

* Константин Абрекович Баршт, д-р филол. наук, профессор, вед. научн. сотр. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН — konstantin_barsht@pushdom.ru.

и склонить Федора Михайловича к продолжению военной карьеры. В частности, основная претензия Карепина к Достоевскому — «поэтические» мечтания, которыми, по мнению опекуна, была смущена душа юного Достоевского, в этом прочтении дошли до нас как «портические» (28₁, 421).

Историю отношений Достоевского с его опекуном можно проследить по нескольким сохранившимся письмам, личная встреча между ними так и не состоялась. Отношения эти вначале были вполне дружескими, в первые годы опекунства Карепина (1841–1843) Достоевский обращался к нему как к «любезнейшему брату», не жалея слов для пожеланий «благополучной встречи Нового года», а его семейству — «сладостной, светлой гармонии блаженства» (28₁, 82). В годы обучения будущего писателя в Главном инженерном училище (до лета 1843 г.) Карепин безукоризненно выполнял свои опекунские обязанности, в срок снабжая братьев и сестер Достоевских денежными средствами, и почвы для спорных ситуаций не было. Исправную присылку денежных средств от опекуна, а вместе с тем и свою нерадивость в отношении к деньгам Достоевский подтверждал в письме к брату Михаилу: «Хотя Карепин и прислал мне 500, но, следуя прежней системе, которой невозможно не следовать, имея долги в доме, я опять с 200 руб. сереб<ром> долгу» (28₁, 83). Заметим, что на этом этапе их взаимоотношений Достоевский обращался с одинаковой экспрессией братской любви ко всем членам семьи Карепиных: и к своей сестре Варваре, и к ее супругу Петру Андреевичу.

Однако уже в 1843 г., в процитированном выше письме есть намек на трещину в их взаимоотношениях, которая в скором времени приведет к тяжелому конфликту: вместе с благодарностью за присылку 150 рублей, Достоевский сообщает, что ему необходимы дополнительные средства, «требование мое объясняется нуждами, изложенными в прошлом письме моем; причем потщусь просить извинения за несколько неосторожных слов — вырванных из души нуждою и необходимостью» (28₁, 82). О том, что в не дошедшем до нас письме Достоевского к Карепину были некие резкости, можно судить и по написанному в те же дни письме к Варваре Михайловне, где он извиняется перед ней: «Со мною нужно быть строже и злопамятнее — два качества, совершенно противные твоему доброму, любящему сердцу. Желая тебе счастья большего и большего, добренькая сестрица. <...> Каюсь перед тобою! Но ведь ты простишь, я это знаю. Прощай, милая Варенька» (28₁, 82).

Резкое обострение отношений между Достоевским и Карепиным, происшедшее в 1844 г., было связано с намерением начинающего писателя покинуть государственную службу и полностью посвятить свою жизнь литературе. Карепин, чувствуя себя ответственным за судьбу своего шурина, считал своей задачей уберечь подопечного от этого губительного шага, безумного, по его мнению, намерения. О желании

подать в отставку Достоевский сообщил Карепину в письме, написанном в 20-х числах августа 1844 г.: «Спешу уведомить Вас, Петр Андреевич, что по естественному и весьма неприятному ходу дел моих я принужден был подать в отставку. Просьба подана дней 10 тому назад; на нее последовало со стороны начальства соизволение. Высочайшее решение выйдет много что через две недели» (28₁, 92). Под «неприятным ходом дел» понималось отчаянное безденежье; в этом письме Достоевский сравнивает себя с бродячей собакой, предсказывает себе скорую смерть от голода и нужды, а также сетует на «братьев единоутробных», которые «не только своим не поделятся <...>, но даже и то, что по праву бы следовало погибающему, стараются отдалить всеми силами <...>. Всякий за себя, а Бог за всех!» Нарастивая саркастический пафос, Достоевский предлагает усовершенствовать эту пословицу, придав ей следующий вид: «Всякий за себя, все против тебя, а Бог за всех» (28₁, 92).

Причина бедственного положения Достоевского заключалась в том, что он, привыкнув жить в кредит, который гасил с помощью присланных Карепиным денег и своего жалованья, оказался в крайне тяжелом положении, когда начальство назначило его «в командировку на крепость», «в Оренбург или Севастополь или даже подальше куда-нибудь»¹. В связи с этим оказались необходимы средства на поездку: создать «запас платья», «жить в дороге», «иметь средства обзавестись кой-чем на месте» (28₁, 92). Правда, здесь стоит заметить, что такого рода командировки достаточно адекватно финансировались из бюджета в рамках строгого регламента Устава по военной службе. Основная проблема заключалась в погашении многочисленных кредитов, «около 1200 руб.», без чего отбытие из Петербурга было равносильно финансовому преступлению со всеми вытекающими отсюда последствиями, вплоть до уголовного преследования. Не имея возможности добыть деньги, выход из этой ситуации Достоевский находит в увольнении со службы, что позволило бы ему остаться в Петербурге, тем самым избавило бы от необходимости немедленной выплаты огромного долга, «а там хоть в тюрьму тащи» (28₁, 92).

Пытаясь склонить опекуна к добавочной денежной выплате, Достоевский, не жалея красок, живописует свое тяжелое положение: отсутствие одежды, из-за чего в условиях петербургской зимы он скоро «протянет ноги», сопровождаемый репликами окружающих: «туда и дорога!», реальная перспектива голодной смерти, отсутствие жилья, за которое нечем заплатить, и будущие ночевки «под колоннадою Казанского собора» (28₁, 93). Правда, он тут же оговаривается, что имеет право занять *казенную* квартиру, «но это только в крайних случаях, а я еще не дошел до подобной крайности», из этого ясно, что «крайности» на самом деле

---

¹ В качестве одного из возможных направлений командировки им называется Камчатка.

не было. Все это, с одной стороны, литературная разминка для будущей работы над романом «Бедные люди», а с другой — создание нужных условий для правильного восприятия Карепиным ключевой фразы: «Я требовал, просил и умолял три года, чтобы мне выделили из имения следуемую мне после родителя часть. Мне не отвечали, <...> меня унижали, надо мной насмеялись. Я сносил всё терпеливо, делал долги, проживался, терпел стыд и горе, терпел болезни, голод и холод» (28₁, 93). Желая получить в виде денежной суммы часть отцовского наследства, которая поможет выплатить долги, Достоевский указывает на небольшую величину этой суммы, а также решается на новую версию этого требования: «...я отказываюсь от всего участка моего (приносящего до 1000 руб. дохода) за 1000 руб. серебром, из которых половина должна быть выплачена разом, а остальное на сроки» (28₁, 93). Предполагая отрицательный ответ опекуна, который будет трактовать эту просьбу как очередной акт безрассудства, Достоевский угрожает в противном случае «употребить все <...> усилия сбить с рук <...> участок хоть лицу постороннему, что будет довольно плохо для всех» (28₁, 93).

Карепин, разумеется, был неприятно поражен этой логикой: отказ от имения, доходы с которого Достоевский получал на протяжении многих лет, парадоксальным образом мотивируется необходимостью покинуть службу, обеспечивающей вторую часть его доходов. Объяснения подопечного (например: «Причина такого переворота в судьбе моей заключалась в критическом положении моем насчет денег» (28₁, 92)), его не устраивали, порождая справедливое недовольство, а о грядущих доходах от занятий литературой он ничего не знал, а узнав, не очень поверил. Однако в период переписки с опекуном Достоевский уже работал над романом «Бедные люди» и связывал с ним свое будущее; ему было важно срочно оплатить долги, мешающие ему сделать этот решительный шаг к новой жизни. Ответом на августовское послание Достоевского является публикуемое ниже письмо П. А. Карепина от 5 сентября 1844 г.

Не зная, что это письмо уже в пути, 7 сентября того же года Достоевский снова пишет Карепину, пытаясь смягчить свои требования и добавляя к предыдущему обещание брата Михаила Михайловича поручиться за него в осуществлении сделки: «Будучи твердо уверен, что брат Михайло исполнил то, что я писал ему, нахожу необходимым еще раз беспокоить Вас письмом моим» (28₁, 94). В этом письме Достоевский пытается сгладить резкость своего тона, он рассчитывает на согласие, «не имев сомнения, что ум, благородство и сочувствие всегда сопутствуют каждой мере» его опекуна и зятя (28₁, 95), попутно выражает сожаление по поводу нескольких «вырвавшихся с пера <...> выражений» (28₁, 96), в то же время протестуя против попыток «дирижирования» его «неопытной и заблуждающейся юностью», а также небратского, по его мнению, намерения предать его «самым неприятным гадостям и обстоятельствам, которые только были на свете» (28₁, 95).

Подтверждая, что прошение об отставке уже подано, Достоевский прибегает к тому же аргументу, который далее будет использовать в объяснениях с С. Д. Яновским, вторым главным сомневающимся в целесообразности отставки Достоевского («ославленный офицер начнет весьма дурно свою карьеру» — 28₁, 95)² и воспроизводит мысль, лежащую в основе идеологии романа «Бедные люди», над которым в этот момент шла работа: «Долги, превышающие состояние, простятся богачу. Даже в иных случаях на это обстоятельство везде смотрят с уважением. Бедняку дают щелчка» (28₁, 95). Помимо этих двух оправданий будущей отставки, которые должны убедить Карепина в верности его решения, воспроизводится и третье, психолого-эмоционального плана: «...отставка моя была следствием горячности. Меня мучили долги, с которыми я три года не могу расплатиться. Меня мучила безнадежность расплаты в будущем. И потому я вышел в отставку единственно с целью уплаты долгов известным образом — разделом имущества» (28₁, 96). Четвертым подкрепляющим это решение фактором является декларация глубокого уважения к заслугам отца, Михаила Андреевича, своим трудом заработавшего средства для покупки имени: «Что же касается до уважения к родительской памяти, то именно ради сего-то обстоятельства хочу употребить родительское достояние на то, на что бы мой батюшка сам не пожалел его. То есть на спокойство своего сына, на средства для новой дороги и на избавление от названия подлеца» (28₁, 96). По всему видно, как опасался Достоевский негативного мнения о себе со стороны родственников, которые могли неверно истолковать мотивы его поведения. Завершая письмо, он подчеркивает, что давление на него с целью уговорить остаться на службе никому не удастся: «...лучше сгнию в тюрьме, чем вступлю в службу» (28₁, 96). К этой фразе Достоевский делает лукавое прибавление, которое можно считать пятым аргументом, который поможет придать мыслям Карепина на сей счет верное направление: он не вступит в государственную службу «прежде окончания и устройства дел» (28₁, 96), подавая Карепину надежду, что потом, когда-нибудь, он снова вступит на государственную службу. Как указывалось выше, тяжелое положение, в которое попал Достоевский, заключалось в необходимости немедленной уплаты всех долгов перед отбытием в командировку, однако главным было то, что расставание с Петербургом означало для него поставить крест на литературе, но роман «Бедные люди» был к этому времени практически готов.

Публикуемое ниже письмо П. А. Карепина от 5 сентября 1844 г. с ответом на письмо Достоевского, написанное в 20-х числах августа, видимо, шло в Петербург около двух недель, потому что ответ на него

---

² Письмо С. Д. Яновского к О. Ф. Миллеру от 8/20 ноября 1882 года / Публ. К. А. Баршта // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб., 2016. С. 365–382.

датирован Достоевским 19 сентября 1844 г. В этом письме Достоевский дает волю своим эмоциям и создает сердитую отповедь, заменяя «любезного брата» на «милостивого государя», а уговоры согласиться с его предложением — желчными репликами: «Письмо Ваше от 5-го сентября, наполненное советами и представлениями, я получил и теперь спешу отвечать Вам. Естественно, что во всяком другом случае я бы начал благодарностию за родственное, дружеское участие и за советы. Но тон письма Вашего, тон, который обманул бы профана, так что он принял бы всё за звонкую монету, этот тон не по мне. Я его понял хорошо и — он же мне оказал услугу, избавив меня от благодарности» (28₁, 96). Из письма Карепина он узнал, что, помимо «подлеца», он еще и морально беспринципный мот, который хочет оставить ни с чем своих младших братьев и сестер: «Вы укоряете меня в жадности к деньгам и в обиде меньших братьев, насчет которых я пользовался доселе большими суммами денег» (28₁, 96). Ответом на этот упрек является сравнение затребованных им 1000 р. с суммой дохода, которую он мог бы получить с участка в ближайшие несколько лет: «разве уж такое огромное требование за выделку моего участка? Кажется, это не мне одному будет полезно» (28₁, 97), тысяча рублей, которые он просит за отказ от наследства — значительно меньше той суммы, которую можно было бы получить за ближайшие годы от эксплуатации крестьян Дарового и Черемошни.

В рассуждениях Достоевского проскальзывает мысль, что в своем отказе от наследства он руководствуется нежеланием участвовать в эксплуатации крестьян Дарового по принципиальным соображениям. Далее им с презрением отвергаются приведенные Карепиным «затруднения опекунского совета, дворянской опеки, гражданской палаты», он полагает, «что эти затруднения не существуют» (28₁, 97). И, наконец, требует прекратить обсуждение вопроса о своей отставке: «...по тем же самым причинам, по которым подаю в отставку, не могу опять поступить на службу» (28₁, 97), протестуя против попыток поправлять его «неосновательность юности» и учить его любви к родителям. Он пишет: «...все это не Ваше дело. И мне странно кажется, что Вы на себя берете такой труд, об котором никто не просил Вас и не давал Вам права. Будьте уверены, что я чту память моих родителей не хуже, в чем Вы Ваших. Позвольте Вам напомнить, что эта материя так тонка, что я бы совсем не жалал, чтоб ею занимались Вы. Притом же, разоряя родительских мужиков, не значит поминать их» (28₁, 97).

Сохраняя в неприкосновенности режим диалога с Карепиным, Достоевский одобряет четвертую страницу его письма, где содержится апологетика поэзии «реальной жизни», имеющей, по мнению Карепина, значительные преимущества перед жизнью выдуманной. Цитатой из Гете Достоевский подкрепляет мысль своего оппонента, и «душевно благодарит» его, одновременно пуская тонкий намек на то, что эта переписка породила в его сознании воспоминания о «Фамусове,

Чичикове и Фальстафе» (28₁, 98), однако все это было сделано в столь невинной формулировке, что Карепин вряд ли догадался, что речь идет именно о нем.

Просьбу Достоевского относительно выплаты 500 р. за отказ от наследства подкрепил затем его брат Михаил Михайлович в своем письме к Карепину от 25 сентября 1844 г.: «Ему предстоит теперь трудное дело — проложить себе дорогу, завоевать имя. Он пожертвовал всем своему таланту, и талант — я знаю, я уверен — его не обманет. Дай бог, чтоб он только не пал, чтоб он только вынес первые удары, а там... кто может знать, что будет впереди? Он хочет во что бы то ни стало продать нам свою часть. Согласитесь сами, что отдает он нам ее за бесценку. Даже совестно покупать у него за эту цену: просит он одновременно 500 рублей серебром и потом по 10 рублей серебром в месяц»³. В следующем письме, от 3 октября 1844 г., Михаил Михайлович сообщает опекуну, что долги брата дошли до 1500 рублей ассигнациями. На самом деле у Достоевского был долг 800 рублей; однако он сознательно указывал завышенную сумму, «зная их привычку присылать 1/3 чего просишь» (28₁, 100). Проект отказа от наследства не мог быть закреплён формально и держался исключительно на честном слове Достоевского и его брата Михаила, который заверял опекуна: «Брат Федор вам готов дать акт, свидетельство или подписку, все, что угодно, что он торжественно отказывается от своей части; я же, с своей стороны, какое угодно вам поручительство»⁴.

Оправдываясь перед братом, который был готов на все ради него, но также беспокоился по поводу его средств к существованию после отставки, 30 сентября 1844 г. Достоевский написал ему: «Подал я в отставку, оттого что подал, то есть, клянусь тебе, не мог служить более. Жизни не рад, как отнимают лучшее время даром. Дело в том, что я, наконец, никогда не хотел служить долго, след<овательно>, зачем терять хорошие годы? А наконец, главное: меня хотели командировать — ну, скажи, пожалуйста, что бы я стал делать без Петербурга. Куда я бы годился? Ты меня хорошо понимаешь? Насчет моей жизни не беспокойся. Кусок хлеба я найду скоро. Я буду адски работать. Теперь я свободен» (28₁, 100). Одновременно с этим он тревожится за то, что произойдет, если Карепин немедленно не пришлет денег: «Если свиньи-москвичи промедлят, я пропал. И меня пресерьезно стащут в тюрьму (это ясно). <...> Они мне не доверяют. Они думают, что я их обману. Поручись, душа моя, пожалуйста, за меня» (28₁, 100). В этом же письме он сообщает брату свою великую тайну: «У меня есть надежда. Я кончаю роман в объеме “Eugenie Grandet”. <...> (Я моей работой доволен). Получу, может быть, руб. 400, вот и все надежды мои» (28₁, 100). Что же

---

³ Лит. наследство. Том 86: Ф.М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 365.

⁴ Там же. С. 368.

касается Карепина с его нравоучениями и грубым давлением, то у Достоевского находятся весьма нелицеприятные оценки: «Свинья Карепин глуп как сивый мерин. Эти москвичи невыразимо самолюбивы, глупы и резонеры. В последнем письме Карепин ни с того ни с сего советовал мне не увлекаться Шекспиром! Говорит, что Шекспир и мыльный пузырь всё равно. Мне хотелось, чтобы ты понял эту комическую черту, озлобление на Шекспира. Ну к чему тут Шекспир? Я ему такое письмо написал! Одним словом, образец полемики. Как я его отделал. Мои письма chef-d'oeuvre летристики» (28₁, 100–101). Карепину Достоевский написал следующее: «Странно: за что так больно досталось от Вас Шекспиру. Бедный Шекспир!» (28₁, 98). Свою приверженность «Шекспиру» (миру большой литературы) будущий писатель оправдывает правом свободно распорядиться своей судьбой, считая, что невозможно «остановить законную волю человека», идущего к своей цели (28₁, 98).

Вопрос к Карепину о том, «при чем здесь Шекспир» был, разумеется, лишь риторической фигурой. Достоевский прекрасно знал, почему Карепин сосредоточился на Шекспире, трудное, драматичное вхождение которого в литературу было детально описано в получивших широкую известность произведениях различных жанров, во множестве выходявших в 1820-е — 1840-е гг., когда в России произошел значительный взлет интереса к Шекспиру, ставшего для русского образованного общества символом философствующей литературы и драматургии⁵. Можно также предположить, что в одном из утраченных писем Достоевского к Карепину прозвучала мысль о том, что Шекспир, столкнувшийся с огромными трудностями в начале своего творческого пути, впоследствии стал классиком мировой литературы. Так или иначе, именно Шекспир, по мнению Карепина, преграждал своим авторитетом путь его подопечного к правильной и счастливой жизни, которая ожидала его на военно-инженерной стезе. С другой стороны, имя Шекспира и для Достоевского было путеводной звездой, которая вводила его от рутинного бытового прозябания к литературному творчеству как сфере бытия, тождественной настоящей жизни.

Следы этой полемики о «Шекспире» мы находим затем и в тексте романа «Бедные люди», где Девушкин в роли радетельного опекуна поучает Вареньку, используя риторические фигуры, появившиеся в переписке Карепина с Достоевским: «...роман вздор, и для вздора написан, так, праздным людям читать <... > опытности моей многолетней поверьте. И что там, если они вас заговорят Шекспиром каким-нибудь, что, дескать, видишь ли, в литературе Шекспир есть, — так и Шекспир вздор, всё это суший вздор, и всё для одного пасквиля сделано!» (1, 70).

---

⁵ Например: [Тик Л.] Праздник в Кенильворте // Атеней. 1828. Ч. 3. Июль. Кн. 1. С. 40–60; Кн. 2. С. 121–146. См. об этом произведении: Левин Ю. Шекспир — герой русской романтической драмы // Шекспировские чтения. 1976. М., 1977. С. 184–194.

Письмо Карепину о «Шекспире» было написано Достоевским 19 сентября 1844 г. в романе «Бедные люди», в письме с близкой датировкой, 23 сентября, Варенька Доброселова рассказывает о визите к ней помещика Быкова, прототипом которого является П. А. Карепин, равно как прототипами Вареньки Доброселовой — жена Карепина и сестра Достоевского Варвара Михайловна. В том же менторском тоне, какой был присущ Карепину, Быков поучает Вареньку, указывая, что «романы губят молодых девушек, что книги только нравственность портят и что он терпеть не может никаких книг; советовал прожить его годы и тогда об людях говорить; “тогда, — прибавил он, — и людей узнаете”» (1, 100). Это придает основательность нашей версии, что письма героев «Бедных людей» создавались Достоевским в тех же числах 1844 г., которыми они обозначены в тексте романа, предположив, что около трети романа было написано в сентябре 1844 г. (16 писем Девушкина и Вареньки). В своем письме от 19 сентября Девушкин сообщает, что нашел работу «у одного сочинителя»⁶, 19 сентября 1844 г. Достоевский написал своему опекуну, извещая его о подаче прошения об отставке и о своем твердом решении стать литератором (28₁, 96–98). 5 сентября 1844 г. было написано публикуемое ниже письмо Карепина с советами и наставлениями, с требованием отказа от намерения покинуть службу; в романе «Бедные люди» в письме от 5 сентября Девушкин формирует нечто вроде философского эссе, утверждая принципиальность своего несогласия с ролью «маленького человека», сосредоточенного на своих «сапогах»⁷. Отметим, что именно с конца сентября 1844 г. документы Достоевского на увольнение со службы проходят по разным ведомствам⁸. Весь сентябрь он не писал брату, по-видимому, напряженно работая над романом. Затем, в письме от 30 сентября, сообщает о завершении «Бедных людей»: «Я чрезвычайно доволен романом моим. Не нарадуюсь» (28₁, 100).

Создание романа «Бедные люди» было для Достоевского не только экзаменом на звание профессионального писателя, но и важным аналитическим экспериментом, нацеленным на решение вопроса о своей судьбе. В этом произведении Достоевским проводилось, средствами художественной литературы, изучение конкретной жизненной ситуации, в которой писатель оказался в 1844 г.; проверялась правильность идеи его отказа от государственной службы. Вопрос о выборе пути обратился в главную тему произведения, созданием которого Достоевский решал свою судьбу — служащего в «канцелярии» и, одновременно, начинающего литератора. В 1844 г. реальность поставила Достоевского перед выбором: рутинная на радость родным и близким

---

⁶ *Достоевский Ф. М. Бедные люди* / Подг. изд. К. А. Баршт. М., 2015. С. 95 (сер. «Литературные памятники»).

⁷ Там же. С. 84.

⁸ РГВИА. Ф. 827. Оп. 8. Д. 470. Л. 328–333.

служебная карьера или рискованный, но творчески перспективный путь в литературе. Макар Девушкин — это пророчество молодого писателя об одной из возможных, крайне нежелательных и, слава Богу, отвергнутых перспектив развития его жизненного пути.

В романе «Бедные люди» сохранились следы этого эксперимента. В семнадцатилетнем возрасте Достоевский не по своей воле стал кондуктором Главного инженерного училища, а Макар Девушкин указывает, что отдан был на службу в семнадцать лет и говорит о своем «тридцатилетнем опыте». Эти тридцать лет службы (наиболее распространенный по разным ведомствам срок выхода на пенсию государственных служащих) погубили жизнь Макара Девушкина, человека с большим литературным талантом, растоптанным многолетним переписыванием бумаг. Следы этой коллизии сохраняются и в других произведениях Достоевского — «Слабом сердце», «Неточке Незвановой». В романе «Униженные и оскорбленные» автобиографический персонаж, начинающий писатель, получает от любящего его старика Ихменева порцию «горьких» и «желчных укоров»: «У Ихменевых я об этом ничего не говорил; они же чуть со мной не поспорились за то, что я живу праздно, то есть не служу и не стараюсь прискаты себе места. Старик горько и даже желчно укорял меня, разумеется из отеческого ко мне участия. Я же просто стыдился сказать им, чем занимаюсь. Ну как, в самом деле, объявить прямо, что не хочу служить, а хочу сочинять романы, а потому до времени их обманывал, говорил, что места мне не дают, а что я ищущу из всех сил» (3, 186). Здесь хорошо видны сомнения и колебания, моральные и материальные проблемы, которые мучили Достоевского в период его вступления в большую литературу при общении с родственниками, сомневающимися в правильности выбранного им жизненного пути.

На завершающем этапе борьбы Достоевского за возможность самостоятельного решения вопроса о личной судьбе он отказывается от эмоциональных выпадов по адресу Карепина и возвращается к августовской тактике уговоров и аргументаций. В 20-х числах октября 1844 г. он пишет опекуну письмо, центральная идея которого — призвать его к акту христианского сострадания и уговорить согласиться с предложением о выплате 500 рублей в обмен на отказ от родительского наследства: «... я остался один без надежды, без помощи, преданный всем бедствиям, всем горестям моего ужасного положения — нищете, нагоде, сраму, стыду и намерениям, на которые бы не решился я в другое время. <...> в ту минуту, как Вы будете читать письмо мое, уже получил отставку (справьтесь в газетах). У меня нет ни платья, ни денег, нет ничего заплачивать кредиторам и не будет квартиры, потому что вряд ли хозяин дома еще будет держать меня на старой» (28, 102). Сравнительно с прежними требованиями новое здесь в том, что он предлагает оформить сделку в виде выдачи заемного письма «на имя одного из членов нашего семейства, если нельзя на имя всех, или даже на Ваше имя, Петр Андреевич», которое не будет выплачено в срок и даст возможность держателю письма обратиться

в свою пользу обозначенные в нем ценности: «Вы будете иметь полное право поступать по законам, и мои доходы уже формально будут обращены в пользу семейства, до самого окончательного раздела» (28₁, 102).

Пытаясь как можно лучше соответствовать вкусам и предпочтениям опекуна, Достоевский оформляет свою просьбу в виде «делового предложения», подчеркивая это в своем обращении к Карепину: «Вы человек деловой, Петр Андреевич, Вы и с нами действуете, как человек деловой, не иначе, и так как Вы человек деловой, то у Вас времени не будет обратить внимание на мои дела, хотя они и миниатюрны, или, может быть, именно оттого, что миниатюрны. Но если эти миниатюрные дела составляют все спасение, все благосостояние, всю надежду человека, то нужно извинить его настойчивость и назойливость» (28₁, 103). Смягчение тона в диалоге с Карепиным в этот период связано с осознанием Достоевским того факта, что со стороны опекуна отсутствует намерение навредить ему, есть лишь попытка наставить его на путь истинный, в том варианте, который был ему понятен и близок, другими словами — правильно выполнить свою работу опекуна. Столкновение Достоевского с Карепиным было по сути конфликтом двух мировоззрений, двух несовместимых жизненных моделей, и Достоевский приобрел тут немалый жизненный опыт, использованный им в романе «Бедные люди», а затем — в «Преступлении и наказании», «Подростке» и «Братьях Карамазовых» и др.

Заметим бесспорную житейскую правоту Карепина, когда он говорит о юридической и моральной невозможности передачи Достоевскому части наследства — это слова, полные житейской мудрости, равно как и советы отдалиться романтике военной службы, посулы скорой и успешной карьеры, а также упреки в том, что Достоевский потратил слишком много денег из тех, которые приносят родительские имения Даровое и Черемошня в Тульской губернии. Нет сомнений в том, что Достоевского больно ранили упреки в том, что он получил денег больше других братьев и сестер. В своих посланиях к Достоевскому Карепин внушает ему идеи, вполне здравые и полезные для обыкновенного человека. Однако, как и любой другой современник юного Достоевского, он не мог знать, что подопечный его недоросль — будущий классик мировой литературы. Следует отметить интересное и весьма продуктивное сопоставление между литературной поэзией и поэзией реальной жизни, которое проводит Карепин. Нужно отдать ему должное, в этом противопоставлении есть философская глубина, имеющая в себе соответствие с подобными наставлениями отцов церкви, на что Достоевский не мог не обратить внимание. Однако у него к этому моменту уже была вчерне готова версия романа «Бедные люди», и отказаться от своего детища он не мог и не хотел. Гений всегда знает, что он гений, так было и с Достоевским. Огромная заслуга в том, что он состоялся как писатель и был спасен от долговой ямы, принадлежит его брату Михаилу.

Поддерживая брата в его намерении оставить службу и посвятить себя литературе, Михаил Михайлович писал Карепину: «Что ни говорите, любезный брат, а я слепо верю в его необыкновенное дарование и уверен, что на избранном им поприще рано или поздно он составит себе славное имя. Правда, я совершенно согласен с Вами, что все это можно бы сделать иначе, не вдруг, осторожнее, рассудительнее. Но и то сказать, все зависит от того, с какой точки зрения станешь смотреть на предмет; с одной стороны, брат может показаться человеком ветреным, нерассудительным... не спору; с другой — человеком с сильною душою и энергическим характером. <...> Вы сердитесь на него, любезный брат, за невежливое письмо его, но, поверьте, он и сам теперь в этом раскаивается. <...> Жаль, что Вы не знаете его лично — Вы переменили бы свое мнение»⁹.

Это письмо сыграло свою роль, и когда вопрос был благополучно решен, Достоевский начал сожалеть о своих былых «шедеврах летристики». Брату Михаилу в ноябре 1844 он написал: «Нужно заметить тебе, любезный брат, что последнее письмо мое в Москву было немножко слишком желчно, даже грубо. Но я был ввергнут во всевозможные бедствия, я страдал в полном смысле слова, я был без малейшей надежды — немудрено, что физические и нравственные мучения заставили меня писать желчную, резкую правду... Итак, я со всеми рассорился. Дядюшка, вероятно, считает меня неблагоприятным извергом, а зять с сестрою — чудовищем. Меня это очень мучает. Но со временем я надеюсь помириться со всеми. Из родных остался мне ты один. Остальные все, даже дети, вооружены против меня. Им, вероятно, говорят, что я мот, забулдыга, лентяй, не берите дурного примера, вот пример — и тому подобное. Эта мысль мне ужасно тяжела. Но Бог видит, что у меня такая овечья доброта, что я, кажется, ни сбоку, ни спереди не похож на изверга и на чудовище неблагоприятности. <...> А что я ни делаю из своей судьбы — какое кому дело? Я даже считаю благородным этот риск, этот неблагоприятный риск перемены состояния, риск целой жизни — на шаткую надежду. Может быть, я ошибаюсь. А если не ошибаюсь?.. Итак, бог с ними! Пусть говорят что хотят, пусть подождут. Я пойду по трудной дороге!» (28₁, 104).

Следует иметь в виду, что согласно мнению младшего брата Достоевского Андрея Михайловича, Карепин был «евангельски добрым человеком»: «Служил Петр Андреевич во многих местах и везде получал солидное содержание <...> Во-первых, он служил правителем канцелярии московского военного генерал-губернатора; во-вторых, аудитором при каком-то военном учреждении <...>, в-третьих, он был секретарем в дамском комитете, то есть при дамском попечительном о тюрьмах комитете, где между тогдашними патронессами города играл видную роль, прельщая всех своим чисто парижским французским языком; в-четвертых, он был секретарем в попечительном комитете о просящих

---

⁹ Лит. наследство. Т. 86. С. 369.

милостыню. И в-пятых, главнейшая и самая доходнейшая его служба была частная, а именно, он был главноуправляющим над всеми имениями, кажется, князей Голицыных, и одна канцелярия его, как главноуправляющего, помещалась в его квартире, занимая несколько комнат <...> он был добрейший из добрейших людей <...> он вышел из народа, достигнув всего своим умом»¹⁰. Однако навязывая своему подопечному, живущему мечтой о литературе, неприемлемую для него модель счастливой судьбы (принятой, например, тем же Андреем Михайловичем, дослужившимся до статского советника), он стал врагом Достоевского как философа и писателя, герои произведений которого отказывались от накатанных путей к счастливым социальным нишам, от удачной карьеры и жизненного благополучия. Наставления Карепина, при всей их житейской мудрости, были для будущего писателя прямым воплощением той модели бедности/богатства, которая предполагала неизбежный вывод о преимуществе богатства материального над богатством духовным. Этот факт биографии и важное обстоятельство вхождения Достоевского в литературу, в русле известного феномена криптографической работы к написанию дебютного произведения, романа «Бедные люди».

Итак, в конечном итоге, оправдывая мнение А. М. Достоевского о нем как о «евангельски добром человеке», П. А. Карепин, отказавшись от своих попыток склонить Достоевского к инженерной службе, простив ему все обидные слова, все же выслал 500 рублей серебром. Переживая за брата, М. М. Достоевский написал опекуну благодарственное послание: «Представить себе не можете, любезный брат Петр Андреевич, как я обрадовался, узнав из письма Вашего, что Вы, наконец, порешили с братом Федором. Этой суммой он удовлетворит, по крайней мере, минутным нуждам и проживет целый год — а это много значит в его положении. <...> Из письма Вашего <...> я понял, что деньги на выдачу брату Вы употребили свои собственные. Примите за это мою наиглубочайшую благодарность»¹¹. Инцидент был исчерпан, каждый его участник выполнил свою миссию: П. А. Карепин внял христианскому чувству и доверился «пузырной шекспировской мечте» своего воспитанника, а Ф. М. Достоевский проявил твердость в отстаивании своего права посвятить жизнь литературе.

* * *

Публикуемое ниже письмо П. А. Карепина к Ф. М. Достоевскому от 5 сентября 1844 г. впервые было издано А. С. Долининым: *Достоевский Ф. М. Письма: В 4 т. / Под ред. А. С. Долинина* (М.; Л.: ГИЗ,

¹⁰ *Достоевский А. М. Воспоминания.* СПб., 1992. С. 107, 113–114, 120–121.

¹¹ *Лит. наследство.* Т. 86. С. 369.

Academia, Гослитиздат, 1959. Т. 4. С. 449–450). Этот же текст воспроизведен в Полном собрании сочинений Достоевского (Л., 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 421–422). Оригинал хранится в ИРЛИ: Ф. 56. Оп. 5. № 399.

Текст письма воспроизводится в соответствии с современной грамматической нормой. В числе исправленных ошибок предыдущих публикаций документа — неверные прочтения, пропуски слов, иные неточности в передаче текста (точка вместо восклицательного знака, запятая вместо точки и др.). Среди наиболее существенных поправок публикации А. С. Долинина можно выделить следующие примеры (принятый нами вариант / ошибочное прочтение): желчи / грубости, определено / передано, существовать будет / будет существовать, пренебрегали / пренебрегли, воспользуемся / воспользуемся, попечением / положением, поэтических / портических, неге / неги, пользы общественной и своей / пользы общественной, поверьте / поверите, Лукулловой / Луколловой.

Отсутствующие и необходимые согласно грамматической норме знаки препинания поставлены в угловых скобках; также в угловых скобках воспроизводятся буквы, восполняющие недописанное слово. Слова, подчеркнутые автором письма, передаются подчеркиванием, включая и воспроизведенные петитом буквы (например, «1-я»). Частица «не» с глаголами, деепричастиями и наречиями по умолчанию пишется отдельно («не упоминая», «не было», «не хотелось» и др.). Сохраняется написание устаревших слов, не нарушающих орфографическую норму («чрез» и др.). Точка в середине фразы в сокращенном слове (например, «ассигнац.») сохраняется, также сохраняются графемы, например косая черта «слэш» (например, «4/т<ысяч>»). В случае грубого нарушения норм орфографии ставится знак <sic!>. Сохраняется особенность авторского стиля Карепина, имеющая смысловое значение: укоряя Достоевского за увлеченность «шекспировскими пузырями», в обращении к нему он употребляет строчную букву («вы»), а апеллируя к его чести и служебному долгу как офицера — прописную («Вы»). На более широкое использование прописных букв Карепин переходит в моменты наивысшего накала своей педагогической проповеди («Любезный Брат!», «Царское жалованье» и др.), такого рода прописные буквы, маркирующие систему ценностей Карепина и колеблющийся уровень его уважения к Ф. М. Достоевскому, сохранены в публикации.

* * *

Москва<> 1844 года Сентября 5-го<>

Любезный брат Федор Михайлович!

Посылаю Вам 50 руб<лей> сереб.<ром>¹ — и вместо заносчивости и желчи, коими наполняются ваши письма, прилагаю два исчисления<:> 1-е на серебро за прошедший год<,> 2-е на ассигнац.<ии> текущего года — по теперешнее число; а в заключении вывод<:> сколько

кто из Вас <sic!> получил доходов. Здесь сами увидите, что Вам определено больше других<,> Андрею очень мало, и Николе вовсе ничего². Уважительной причиной могла быть экипировка при выходе из училища, первое обзаведение на первый год³; и дальше нет уже никакого права одному брату пользоваться больше другого<,> не упоминая еще о сестрах.

Достояние родительское⁴ приносит<,> как видно по опыту 3-х лет<,> до 4/т<тысяч> р<ублей> ас.<сигнациями> с чем-нибудь или без чего-нибудь — зависит от урожая и цен на продукт. Из этого нужно уделить на взнос Опек.<унскому> Сов.<ету,> на уплату частного долга Г. Маркусу⁵, которому следует 1/ т<тысяча> р<ублей> капит.<ала,> стало быть<,> каждому из братьев очистится до 700–800⁶, в хороший год до 1000 руб<лей> ас<сигнациями,> вот ваш основной капитал!

Продать следующую Вам часть наследства<,> кроме того прискорбля<,> что сын слишком мало дорожит трудом и заботами родителей и что стоило им ценой жизни<,> сбывать на другой год выхода из школы и сбывать Бог знает для чего? не было возможным<,> потому что Вам едва минуло совершеннолетие. Невозможно и теперь<,> потому что имение состоит в залоге Опек.<унского> Сов.<ета,>⁷ не оплачен еще и частный долг, и что другие сонаследники малолетние. Хотя бы наконец длинным процессом представлений чрез Дворянскую опеку, Гражданскую палату и Сенат⁸ возможно было получить в пользу других участников в наследстве разрешение на выдел Вам части деньгами, то затруднение останется одинаковым: т. е. неостанет Вам выдать деньги вдруг<,> а частями < — > Вы и теперь их получаете в том излишке<,> какой перебираете противу других братьев и который им возвратить обязаны при расчете. Эта причина существовать будет не только нравственным<,> но и официальным препятствием передать в чужие руки.

Не хотелось мне высказывать Вам этой истины<,> потому что вы сами ее довольно понимаете и даже потому<,> что легче предполагать неосновательность в молодости<,> нежели холодный эгоизм и равнодушие к памяти родительской и семейству.

Вы едва почувствовали на плечах эполеты<,> довольно часто в письмах своих упоминали два слова<:> наследство и свои долги; я молчал<,> относя это к фантазии юношеской, твердо зная<,> что опыт, лета<,> поверка отношений общественных и частных лучше Вам истолкуют; но теперь хочу упомянуть<,> что первое слишком миниатюрно: сердиться и сетовать на это нельзя<,> ибо не от нас зависит<,> и много есть на свете людей — и того не имеющих. И по размеру расходов ваших едва ли станет на год⁹; а дальше что? Последние<,> кроме границ юридических<,> имеют еще и нравственные — несколько не сомневаюсь, что вы их пренебрегали <sic!> и не были бы согласны со мной в том, что превзойти размер возможности уплаты есть посягательство на чужую собственность. Не вина наша, что мы родились не миллионерами; но наша вина будет в том<,> если не воспользуемся

средствами<,> от Бога и попечением благотельного начальства предоставленными. Не Вы первый, и много<,> очень много людей, начинающих свое поприще по известным чистым, светлым всегда отрадным правилам труда<,> прилежания и терпения. Со способностями ума<,> коими одарил Вас Господь, с хорошим образованием, которое получили в заведении отличном, — Вам ли оставаться при софизмах поэтических, в отвлеченной лени и неге Шекспировских мечтаний? на что они, что в них вещественного<,> кроме распаленного<,> раздутого<,> распухлого — преувеличенного<,> но пузырярного образа? Тогда как в вещественности Вам указан и открыт путь чести, труда уважительного, пользы общественной и своей<,> не в рабских подражаниях чужому видению<,> но в произведениях собственного ума и знания<,> коими украсили его работою стольких лет.

Если Вам доступен еще совет родства и дружбы<,> то послушайтесь<,> Любезный Брат! Оставьте излишнюю мечтательность и обратитесь к реальному добру, которого<,> Бог весть почему<,> избегаете<,> примитесь за службу с тем убеждением, которому<,> поверьте по опыту, что сколь бы ни велики были наши способности<,> все нужно еще при них некоторое покорство общественному мнению<,> особенно мнению старших; они больше и дольше нашего прожили<,> больше нашего видели и испытали! Не только нет Вам благословения сердечного (если Вы когда-нибудь поставите оное в цену) выходить из службы<,> но даже убеждаю Вас самих искать командировки — чем дальше<,> тем лучше. Вы там поверите жизнь человеческую с различных ее фазов<,> тогда как теперь — знакомы только односторонне со школьной лавки — да книжных мечтаний? Офицеру в военном мундире нельзя останавливаться приготовлениями мягких пуховиков и Лукулловой кухни. Почтовая кибитка<,> бурка и кусок битой говядины<,> приготовленной денщиком<,> всегда найдется за прогоны и Царское жалованье. Зато сколько приятных ощущений при удачном исполнении своего долга; сколько отрады во внимании Начальников, в любви и уважении товарищей<,> а далее награда<,> заслуженная трудом своим<,> путем прямым, благородным: Вот Брат! настоящая поэзия жизни и сердечное желание Вам преданного

П. Карепина.

¹ Сумма 50 руб. серебром — не случайная и явно знакомая: она примерно соответствует жалованью, которое Достоевский получал в чине инженер-подпоручика во время службы в Петербургской инженерной команде вторую половину 1843 г.

² Братья Ф. М. Достоевского: Андрей Михайлович (15.03.1825, Москва — 07.03.1897, Петербург; статский советник, губернский инженер-архитектор в Ярославле), Николай Михайлович (13(25).12.1831, Москва — 18.02(02.03).1883, Петербург; выпускник Инженерно-строительного училища Главного управления путей сообщения и публичных зданий, служил в Ревеле в должности помощника архитектора в Эстляндской строительной и дорожной комиссии).

³ Однокашник Достоевского по училищу свидетельствует: «По окончании Инженерного училища <...> Достоевский получал жалованье и от опекуна, всего пять тысяч

рублей ассигнациями» (*Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Из «Мемуаров» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 300). Достоевский получил крупную сумму денег от Карепина после успешного прохождения выпускных экзаменов, о чем сообщил А. Е. Ризенкампу 30 июня 1843 г., с которым отметил это событие в ресторане Лерха (*Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского*: В 3 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 83).

⁴ Имение Даровое в Тульской губернии (260 десятин пахотной земли, покосов и леса, а также деревья из 20 дворов, часть которых принадлежала Достоевским) было куплено в 1831 г. отцом писателя Михаилом Андреевичем. В 1833 г. к нему была прибавлена усадьба Черемошня, в результате чего имение расширилось до 500 десятин земли и 100 душ крепостных крестьян.

⁵ Маркус Федор Антонович (1790-е-?) — ветеран Отечественной войны 1812 г., эконо́м Мариинской больницы, где в качестве штаб-лекаря служил отец писателя, друг семьи Достоевских; участвовал в организации похорон матери писателя Марии Федоровны в 1837 г.

⁶ Справа на полях вопросительный знак.

⁷ Опеку́нство над малолетними сиротами назначалось с ведома и по разрешению Опеку́нского совета, органа императорского московского Воспитательного дома, находящегося в ведении императрицы Марии Федоровны. В соответствии с уставом Опеку́нского совета 1829 г., а также устава для сохранной, вдовьей и ссудной казны 1838 г. из государственных средств осуществлялось кредитование программ финансовой поддержки осиротевших семей и ряда специальных учреждений (Воспитательного дома, Сиротского института и др.).

⁸ Дворянская опека — судебный орган, в функции которого входили назначение опекунов над малолетними сиротами и контроль над осуществлением опеку́нства, рассмотрение финансовых отчетов. Образована на основании закона «Учреждения для управления губерний» от 7 ноября 1775 г. при верхних земских судах. Опеку́нство в соответствии с законом осуществлялось под надзором уездного предводителя дворянства и заседателей, избираемых на 3 года. Гражданская палата являлась средней судебной инстанцией, учреждена в соответствии с Указом от 9 сентября 1801 г. (Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. 1800–1801. СПб., 1930. Т. 26. № 20004. С. 775–778); состояла из председателя, советника (оба назначались правительством) и четырех заседателей, по два от дворянства и от купечества. В ее ведение входило рассмотрение дел, поступавших в результате апелляции из судов первой инстанции — окружных судов. Третьим и конечным уровнем судебной иерархии был Сенат, его кассационные департаменты; переход дела из одной инстанции в другую определялся жалобой или просьбой о пересмотре дела заинтересованной стороны процесса.

⁹ Карепин здесь прав, эта черта Ф. М. Достоевского — небрежное обращение с деньгами — пребывала с ним на протяжении всей жизни, начиная с юности. Д. В. Григорович, который в 1844 г. жил с Достоевским на одной квартире, вспоминает: «Матушка посылала мне ежемесячно пятьдесят рублей; Достоевский получал от родных из Москвы почти столько же. По тогдашнему времени, денег этих было бы за глаза для двух молодых людей; но деньги у нас не держались и расходились обыкновенно в первые две недели; остальные две недели часто приходилось продовольствоваться булками и ячменным кофеем, который тут же подле покупали мы в доме Фридерикса» (*Григорович Д. В.* Из «Литературных воспоминаний» // Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 206). С. Д. Яновский, лечивший Достоевского в 1840-е гг., выражал недоумение: «Когда же вспомнишь то, что плату за труд Федор Михайлович получал постоянно хорошую, что жизнь он вел, в особенности когда был холостым, чрезвычайно скромную и без претензий, то невольно задаешься вопросом: куда же он девал деньги?» (*Яновский С. Д.* Воспоминания о Достоевском // Там же. С. 235); А. Е. Врангель подтверждает: «...деньги у Достоевского как-то не держались» (Из «Воспоминаний о Ф. М. Достоевском в Сибири» // Там же. С. 359).

Библиографический список

- Врангель А. Е.* Из «Воспоминаний о Ф. М. Достоевском в Сибири» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1.
- Достоевский А. М.* Воспоминания. СПб., 1992.
- Достоевский Ф. М.* Письма: В 4 т. / Под ред. А. С. Долинина. М.; Л.: ГИЗ, Academia, Гослитиздат, 1959. Т. 4.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Левин Ю.* Шекспир — герой русской романтической драмы // Шекспировские чтения. 1976. М., 1977.
- Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1999. Т. 1.
- Литературное наследство. Т. 86: Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973.
- Письмо С. Д. Яновского к О. Ф. Миллеру от 8/20 ноября 1882 года / Публ. К. А. Баршта // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб., 2016.
- Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 26. 1800–1801. СПб., 1930.
- Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Из «Мемуаров» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1.
- [Тик Л.] Праздник в Кенильворте // Атеней. 1828. Ч. 3. Июль. Кн. 1. С. 40–60; Кн. 2.
- Яновский С. Д.* Воспоминания о Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1.

Barsht K. A.

P. A. KAREPIN'S LETTER TO F. M. DOSTOEVSKY OF SEPTEMBER 5, 1844. AMENDED TEXT

Key words: P. A. Karepin's letter of September 5, 1844, F. M. Dostoevsky's literary debut, dismissal from service, new reading.

The corrected text of the letter by P. A. Karepin (September 5, 1844) which have the defining value in the F. M. Dostoevsky's dismissal from a government service for the purpose to be engaged in professional literary work is published here. In previous publications, in the Collected letters by Dostoevsky, edited by A. S. Dolinin (1959), reprinted at the Complete works of Dostoevsky (1985) were fixed about two dozen errors, including significantly changing the meaning of the text. The publication is provided with historical and literary commentary.

References

- Vrangel' A. E. Iz "Vospominaniy o F. M. Dostoyevskom v Sibiri". *F. M. Dostoyevskiy v vospominaniyakh sovremennikov. In 2 v.* Moscow, 1990. Vol. 1.

- Dostoyevskiy A. M. *Vospominaniya*. St. Petersburg, 1992.
- Dostoyevskiy F. M. *Pis'ma: In 4 vols., red.: A. S. Dolinin*. Moscow; Leningrad, 1959. V. 4.
- Levin YU. *SHekspir — geroy russkoy romanticheskoy dramy. SHekspirovskiye chteniya*. 1976. Moscow, 1977.
- Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoyevskogo: In 3 vols*. St. Petersburg, 1999. Vol. 1. *Literaturnoye nasledstvo. Vol. 86, F. M. Dostoyevskiy: Novyye materialy i issledovaniya*. Moscow, 1973.
- Pis'mo S. D. YAnovskogo k O. F. Milleru ot 8/20 noyabrya 1882 goda, Publ. K. A. Barshta. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2015 god*. St. Petersburg, 2016.
- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda*. Vol. XXVI, 1800–1801. St. Petersburg, 1930.
- Semenov-Tyan-SHanskiy P. P. Iz “Memuarov”. *F. M. Dostoyevskiy v vospominaniyakh sovremennikov*. In 2 vols. Moscow, 1990. Vol. 1.
- [Tik L.]. Prazdnik v Kenil'vorte. *Ateney*. 1828. Part III. July, Vol. 1, 2.
- YAnovskiy S. D. Vospominaniya o Dostoyevskom. *F. M. Dostoyevskiy v vospominaniyakh sovremennikov: In 2 vols*. Moscow, 1990. Vol. 1.